

УДК 343.848:343.85

DOI: 10.34670/AR.2025.88.74.031

**Эффективность постпенитенциарного сопровождения
при специальном рецидиве: компаративный анализ
международных моделей**

Мулько Герман Андреевич

Аспирант,

Кубанский государственный аграрный университет им. И.Т. Трубилина,

350044, Российская Федерация, Краснодар, ул. Калинина, 13;

e-mail: germanmulko@mail.ru

Аннотация

В статье приводится сравнительный анализ моделей постпенитенциарного сопровождения в странах с различными подходами к ресоциализации осужденных. Исследуются статистические данные по рецидивизму в США, Норвегии, Германии, Франции, Великобритании и Канаде за период 2012–2024 гг. Рассматриваются принципы норвежской пенитенциарной системы. Анализируется германская программа профессионального обучения MABIS, демонстрирующая снижение рецидивизма с 80% до 33% среди трудоустроенных выпускников. Изучается эффективность американского Second Chance Act (2008), в рамках которого выделено более 600 млн долларов на программы ресоциализации. Приводятся результаты мета-анализа, выявившего наибольшую эффективность когнитивно-поведенческой терапии в снижении рецидивизма. Формулируются практические рекомендации по совершенствованию системы постпенитенциарного сопровождения при специальном рецидиве.

Для цитирования в научных исследованиях

Мулько Г.А. Эффективность постпенитенциарного сопровождения при специальном рецидиве: компаративный анализ международных моделей // Вопросы российского и международного права. 2025. Том 15. № 11А. С. 267-275. DOI: 10.34670/AR.2025.88.74.031

Ключевые слова

Постпенитенциарное сопровождение, специальный рецидив, ресоциализация осужденных, пенитенциарная система, пробация, когнитивно-поведенческая терапия, трудовая интеграция, международный опыт, криминология, уголовно-исполнительная политика.

Введение

Когда речь заходит о рецидивной преступности, исследователи и практики сталкиваются с парадоксальной ситуацией. Государства ежегодно тратят огромные суммы на содержание пенитенциарных учреждений, разрабатывают программы ресоциализации, изменяют законодательную базу – однако показатели повторной преступности в большинстве стран упорно не снижаются до приемлемых значений. Особенно тревожным выглядит специальный рецидив, то есть совершение преступления, аналогичного или однородного тому, за которое лицо уже отбывало наказание. Этот вид рецидива, в отличие от общего, указывает на глубокую укорененность определенных криминальных паттернов и, по сути, является индикатором провала всей системы исправительного воздействия в отношении конкретного осужденного. Настоящая статья посвящена сравнительному анализу моделей постпенитенциарного сопровождения в различных странах с акцентом на их эффективность именно при специальном рецидиве.

Основное содержание

Прежде чем переходить к анализу конкретных моделей, следует обратиться к статистике, которая сама по себе весьма красноречива. В Соединенных Штатах Америки, по данным за 2012 год, охватывающих тридцать три штата, уровень повторных арестов составил 36,8% через год после освобождения, 52,9% – через два года, 61,5% – через три года и достиг 70,8% к пятилетнему рубежу. Если же брать десятилетний горизонт, то цифра вырастает до устрашающих 82%. При этом коэффициент заключения в США – 716 человек на 100 тысяч населения, что делает американскую тюремную систему крупнейшей в мире не только в абсолютных, но и в относительных показателях. Ситуация в Норвегии на этом фоне выглядит почти фантастикой: срок рецидива в течении двух лет в 2018 году составил 18%, в 2024 году – около 20%, пятилетний показатель не превышает 25%. И это при коэффициенте заключения 44 человека на 100 тысяч. Разница между странами настолько велика, что её невозможно списать на погрешности методологии или различия в правовых определениях рецидива.

Интересно проследить динамику норвежских показателей в исторической перспективе. До реформ 90-х годов XX века уровень рецидива в Норвегии составлял 60-70%, что вполне сопоставимо с современными американскими данными. После проведения системных преобразований пенитенциарной системы этот показатель снизился до 20-25%. Такая трансформация не произошла сама по себе и потребовала не только политической воли, но и существенных финансовых вложений – сейчас расходы на одного заключенного в Норвегии составляют порядка 93-120 тысяч долларов в год (в зависимости от методики подсчета). Для сравнения: во многих странах эта сумма в десять-пятнадцать раз меньше.

Норвежская модель строится на трех базовых принципах, которые на первый взгляд кажутся довольно простыми, но их последовательная реализация требует фундаментального переосмысления целей наказания. Первый принцип – нормальность. Суть его в том, что жизнь в заключении должна максимально приближаться к обычной жизни, а единственным ограничением является сама изоляция от общества. Заключенные носят собственную одежду, готовят еду, имеют доступ к образованию и работе. Камеры больше напоминают комнаты в общежитии, чем привычные тюремные помещения. Второй принцип – импортная модель. Все услуги в местах лишения свободы предоставляются обычными государственными

учреждениями. Образование обеспечивают муниципальные школы, медицинскую помощь – региональные больницы, социальную поддержку – местные службы занятости и социальной защиты. Это создает преемственность: специалисты, работавшие с осужденным в период заключения, продолжают сопровождать его после освобождения. Третий принцип – прогрессивная интеграция. По мере приближения к концу срока заключенный получает все больше свободы: сначала выходы на работу, потом отпуск домой на выходные, затем перевод в учреждение открытого типа. Программы отпусков домой показывают удивительно низкий процент неудач – всего около 1% заключенных не возвращаются вовремя.

Впрочем, было бы наивно полагать, что норвежский опыт можно просто скопировать. Норвегия – страна с пятимиллионным населением, развитой экономикой, низким уровнем социального неравенства и сильными традициями социал-демократии. В системе всего 57 тюрем с 3600 камерами, что позволяет обеспечить индивидуальный подход буквально к каждому осужденному. Попытка применить те же методы в стране с тюремным населением в несколько сотен тысяч человек столкнется с совершенно иными организационными и финансовыми реалиями. Тем не менее, отдельные элементы норвежского подхода вполне могут быть адаптированы, и исследование 7476 освобожденных в 2023 году показало, что занятость действительно является ключевым фактором успешной ресоциализации – большинство бывших заключенных в итоге трудоустроились, хотя для 30% из них на это потребовалось около тридцати месяцев [Skardhamar, Telle, 2012].

Германия, представляет собой пример системы, которая пытается совместить реабилитационную философию с практическими ограничениями крупного европейского государства. Федеральный закон о тюрьмах был принят в 1976 году, а реформа 2006 года передала значительную часть полномочий землям, что привело к определенной фрагментации подходов. Коэффициент заключения составляет около 68-76% на 100 тысяч населения – существенно ниже американского, но выше скандинавского [Subramanian, Shames, 2013]. Характерной чертой немецкой системы, является преобладание коротких сроков: три четверти приговоров не превышают одного года. Казалось бы, это должно способствовать ресоциализации, но на практике краткосрочное заключение часто оказывается наименее эффективным – оно достаточно длительно, чтобы разрушить социальные связи осужденного, но слишком коротко для реализации полноценных реабилитационных программ.

Наибольший интерес в германском опыте представляет программа MABIS/ZUBILIS, реализуемая в одиннадцати из тридцати семи тюрем земли Северный Рейн-Вестфалия [Subramanian, Shames, 2013]. Программа предусматривает профессиональное обучение осужденных и поддержку при трудоустройстве после освобождения. За время существования программы через неё прошли более 500 заключенных. Результаты весьма показательны и в некотором смысле даже более убедительны, чем норвежская статистика, поскольку позволяют сравнить участников и неучастников в рамках одной правовой системы. Среди тех, кто прошел обучение и нашел работу после освобождения, рецидив составил 33%. Среди тех, кто остался безработным? – 80%. Разница в два с половиной раза не может быть случайной и убедительно демонстрирует, что трудовая интеграция является если не единственным, то безусловно важнейшим фактором предотвращения повторной преступности. Германия также развивает систему социально-терапевтических тюрем, где осужденные проходят интенсивные программы продолжительностью два-три года. Исследования фиксируют статистически значимое снижение рецидивизма среди бывших заключенных таких учреждений.

Французская пенитенциарная система находится в более сложном положении. Страна столкнулась с хронической переполненностью исправительных учреждений – средняя загруженность краткосрочных тюрем достигает 130%, а общая загруженность системы составляет около 116-117%. В таких условиях, реализация качественных реабилитационных программ становится крайне затруднительной. Статистика рецидивизма во Франции неутешительна: 63% освобожденных без какого-либо сопровождения совершают повторное преступление в течение пяти лет и около 59% возвращаются в места лишения свободы. Эти цифры наглядно показывают цену отсутствия системного постпенитенциарного сопровождения.

Отдельные французские инициативы, тем не менее демонстрируют обнадеживающие результаты. Программа *Wake up Café*, направленная на содействие возвращению к работе, с 2014 года показала, что в 62% исход положителен – участники либо трудоустраиваются, либо продолжают образование. *Fondation de France* поддерживает программы реинтеграции с акцентом на сохранение социальных связей в период заключения. Интересен и опыт применения так называемых *peines planchers* – минимальных «низовых» приговоров для рецидивистов, введенных при президенте Саркози в 2007 году и отмененных в 2014-м. Эта мера не продемонстрировала эффективности в снижении рецидивизма, зато привела к росту тюремного населения.

Соединенное Королевство выстроило достаточно развитую систему пробации, организованную по региональному принципу. Двенадцать регионов в Англии и Уэльсе имеют собственные планы снижения рецидивизма, учитывающие местную специфику. Каждому заключенному назначается ключевой работник из числа тюремного персонала, который координирует подготовку к освобождению и обеспечивает связь с внешними службами. В тюрьмах и в сообществе реализуются аккредитованные программы поведенческого вмешательства. Общий уровень повторных правонарушений в 2021-2022 годах составил 24,9%, а годом ранее был зафиксирован исторический минимум в 24%. Однако эти усредненные цифры скрывают существенную дифференциацию. Для осужденных к срокам менее двенадцати месяцев рецидив достигает 56%, тогда как рецидив в течение первых двенадцати месяцев после освобождения в целом составляет 39,3%. За девятилетний период наблюдения показатель вырастает до 75%.

Канадский опыт интересен прежде всего своей положительной динамикой. Двухлетний рецидив снизился с 40,6% для группы 1996-1997 годов до 23,4% для 2011-2012 годов – практически вдвое за пятнадцать лет. Канадская система использует стандартизованные инструменты оценки рисков, в частности шкалу статистической информации о рецидивизме SIR с диапазоном от -27 до +30 баллов, где более низкие значения указывают на повышенный риск. Это позволяет дифференцировать интенсивность надзора и сопровождения в зависимости от индивидуального профиля осужденного. Результаты условно-досрочного освобождения впечатляют: в 2018-2019 годах 99,9% освобожденных успешно завершили период дневного освобождения без нарушений, связанных с насильственными преступлениями. Доля освобождаемых условно-досрочно последовательно увеличивается на протяжении последних шести лет.

Обращает на себя внимание значительная гендерная дифференциация в канадской статистике. Рецидивизм среди мужчин составляет 24,2%, среди женщин – всего 12%. Еще более выражены различия для представителей коренных народов: 37,7% для мужчин и 19,7% для женщин. Последние цифры указывают на системные проблемы, выходящие далеко за рамки

пенитенциарной политики, и на необходимость разработки культурно-специфических программ, учитывающих исторический контекст и особенности социализации коренного населения.

Американский Second Chance Act, принятый в 2008 году при поддержке обеих партий и реавторизованный в 2018 году в рамках First Step Act, стал попыткой системного подхода к проблеме рецидивизма на федеральном уровне. С 2009 года на программы ресоциализации было выделено более 600 миллионов долларов, предоставлено более 1100 грантов. Финансирование колебалось от 25 миллионов в 2009 году до 100 миллионов в 2010-м, затем снизилось до 83 миллионов в 2011-м и 63 миллионов в 2012-м. Результаты оказались неоднозначными. Исследования зафиксировали улучшение показателей долгосрочной занятости и заработков участников программ через тридцать месяцев после освобождения [Evaluation of Seven Second Chance Act Adult Demonstration Programs: Impact Findings at 30 Months, 2018]. Однако статистически значимого снижения повторных арестов, осуждений или возвращений в места лишения свободы выявлено не было [там же]. Программа CEO в Нью-Йорке показала несколько лучшие результаты: через два года в группе участников было зафиксировано 37,7% арестов против 41,8% в контрольной группе, снижение осуждений составило 7,7%. Тем не менее, общий вывод исследователей неутешителен: очень немногие программы занятости демонстрируют доказанную эффективность в снижении рецидивизма.

Мета-анализ Lipsey 2019 года, охвативший 801 исследование за период с 1950 по 2014 год, позволяет сделать некоторые обобщения относительно эффективности различных типов вмешательств [Lipsey, 2019]. В целом, реабилитационные программы оказывают положительный средний эффект на рецидивистов, однако этот эффект сильно варьируется в зависимости от типа программы и контекста её реализации. Наиболее эффективными оказались когнитивно-поведенческая терапия, структурированная групповая работа, индивидуальное консультирование и специализированные суды. Индивидуальное консультирование для подростков продемонстрировало коэффициент phi -0,16, что соответствует снижению рецидива примерно на 32% [там же]. Когнитивно-поведенческая терапия для подростков и взрослых показала коэффициенты от -0,04 до -0,15. Программы для сексуальных преступников – от -0,06 до -0,15. Важный вывод мета-анализа состоит в том, что программы, реализуемые в сообществе под надзором, оказываются более эффективными чем аналогичные программы в закрытых учреждениях. Это согласуется с норвежским принципом прогрессивной интеграции и ставит под сомнение целесообразность длительной изоляции осужденных от общества.

Однако приведенная статистика по общему рецидивизму не позволяет в полной мере оценить эффективность постпенитенциарного сопровождения применительно к конкретным категориям преступников. Специальный рецидив – повторное совершение тождественных или однородных преступлений – представляет собой особую криминологическую категорию, требующую дифференцированного подхода. Согласно данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ, наиболее «специализированными» являются преступники с корыстными мотивами: 31,6% рецидивной преступности составляют кражи, при этом лица, ранее осужденные за хищения, демонстрируют рецидив на 61% чаще, чем осужденные за другие категории преступлений. Важно отметить, что в отношении половых преступлений специальный рецидив прямо закреплен в качестве особо квалифицирующего признака в статьях 131, 132, 133, 134 и 135 УК РФ, что свидетельствует о признании законодателем повышенной общественной опасности именно однородной повторности в данной сфере.

Международный опыт демонстрирует, что специализированные программы, направленные на работу с конкретными категориями рецидивистов, показывают значительно более высокую эффективность, чем универсальные меры воздействия. Мета-анализ программ для сексуальных преступников, охвативший более 41 тысячи осужденных, выявил снижение специального рецидива с 14,1% до 9,5% при применении когнитивно-поведенческой терапии – относительное снижение составило 32,6%. Исследование программы штата Техас (Sex Offender Treatment Program) зафиксировало снижение реинкарцерации на 61,6% среди прошедших полный курс по сравнению с теми, кто не участвовал в программе. В штате Миннесота, где реализуется единственная в США тюремная программа, признанная «перспективной» федеральным правительством, участие в терапии снижает риск повторного ареста за половые преступления на 27%, а за насилиственные преступления в целом – на 18%. Эти данные подтверждают, что целенаправленное воздействие на криминогенные факторы конкретного вида преступности даёт существенно лучшие результаты, чем общепрофилактические меры.

Аналогичная картина наблюдается применительно к наркопреступникам, составляющим 7,9% российского рецидива. Федеральная программа США Residential Drug Abuse Program (RDAP) демонстрирует снижение общего рецидивизма с 68% до 48,2% среди завершивших курс – относительное снижение на 29%. При этом существенное значение имеет именно полное прохождение программы: лица, прервавшие лечение, рецидивируют чаще (67% за четыре года), чем не участвовавшие вовсе (44%). Исследования показывают, что осужденные за наркотические преступления, прошедшие специализированное лечение, повторно арестовываются за наркопреступления в 32% случаев, тогда как без лечения этот показатель достигает 47,9%. Важным выводом является то, что лишение свободы само по себе не только не снижает, но может повышать вероятность специального рецидива среди наркозависимых – систематический обзор выявил криминогенный эффект инкарцерации для данной категории, в то время как терапевтические программы в условиях сообщества демонстрируют статистически значимое снижение повторных правонарушений.

Российская судебная практика также свидетельствует о необходимости дифференцированного подхода. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2015 № 58 устанавливает, что при назначении наказания при рецидиве суд обязан учитывать характер и степень общественной опасности ранее совершенных преступлений, обстоятельства, в силу которых исправительное воздействие предыдущего наказания оказалось недостаточным. Однако на практике это требование реализуется преимущественно в направлении ужесточения санкций, а не индивидуализации ресоциализационных мер. Между тем международные данные убедительно демонстрируют, что увеличение сроков заключения не снижает специальный рецидив – напротив, ассоциируются с наибольшим уровнем повторности (56% в Великобритании). Представляется, что совершенствование постпенитенциарного сопровождения при специальном рецидиве должно идти по пути разработки категориальных программ: для корыстных преступников – акцент на трудовую интеграцию и развитие профессиональных навыков; для наркозависимых – комплексная медико-социальная реабилитация; для лиц, совершивших половые преступления, – интенсивная когнитивно-поведенческая терапия с длительным постпенитенциарным сопровождением.

Систематические обзоры Fazel и Wolf 2015 и 2019 годов, а также их соавторов 2023 года охватили данные из 21 и 33 стран соответственно с периодами наблюдения от шести месяцев до девяти лет [Yukhnenko, Farouki, Fazel], 2023. Выявленный разброс показателей рецидивизма

огромен: двухлетний уровень осуждения заключенных варьируется от 18% до 55%, для общественных мер наказания – от 10% до 47%. Такая вариативность указывает на то, что рецидивизм не является неизбежным следствием криминального прошлого, а в значительной степени определяется политикой государства и организацией системы постпенитенциарного сопровождения.

Законодательство различных стран в отношении опасных рецидивистов демонстрирует два противоположных подхода. Репрессивный подход реализован в американских законах «три удара», введенных в 1990-х годах и предусматривающих пожизненное заключение за третье тяжкое преступление. Калифорния приняла соответствующий закон в 1994 году. Австралийский закон о привычных преступниках 1957 года в штате Новый Южный Уэльс предусматривает дополнительный срок от пяти до четырнадцати лет для преступников старше двадцати пяти лет. Сингапур в 2024 году принял закон об усиленной общественной защите, допускающий бессрочное содержание. Канадский уголовный кодекс в части XXIV предусматривает неопределенные или определенные сроки для признанных опасными преступниками. Реабилитационный подход, напротив, устанавливает верхний предел наказания – в Норвегии он составляет 21 год даже за наиболее тяжкие преступления, 30 лет – только за геноцид. Эмпирические данные в целом свидетельствуют о большей эффективности реабилитационного подхода, однако его политическая приемлемость ограничена общественными настроениями и медийным освещением резонансных преступлений.

Российское законодательство находится в процессе эволюции. Статья 73 Уголовного кодекса регулирует условное осуждение с испытательным сроком от шести месяцев до пяти лет. На осужденного могут возлагаться обязанности не менять место жительства без уведомления, не посещать определенные места, проходить лечение. Статья 74 определяет основания для отмены условного срока при доказательстве исправления или его продления при нарушениях. С января 2024 года введена двухуровневая система пробации – исполнительная и пенитенциарная. Участие носит добровольный характер, что существенно ограничивает охват. В 2022 году помощь в подготовке резюме была оказана двадцати тысячам осужденных. Системные исследования эффективности этих мер с применением современных методологических стандартов в России пока отсутствуют, что затрудняет оценку результатов и корректировку политики.

Заключение

Проведенный анализ позволяет сформулировать несколько выводов, имеющих как теоретическое, так и практическое значение. Трудовая интеграция освобожденных является критически важным фактором предотвращения рецидивизма. Германские данные о разнице между 33% рецидивизма среди трудоустроенных и 80% среди безработных убедительно это подтверждают. Программы должны обеспечивать непрерывность сопровождения, начинаясь задолго до освобождения и продолжаясь столько, сколько необходимо для стабилизации социальной ситуации бывшего осужденного. Когнитивно-поведенческие интервенции демонстрируют наибольшую доказанную эффективность и должны составлять ядро реабилитационных программ. Краткосрочные приговоры ассоциируются с повышенным рецидивизмом, что требует переосмысления подходов к назначению наказания – возможно, в сторону более широкого применения альтернативных мер.

Для совершенствования системы постпенитенциарного сопровождения при специальном рецидиве представляется целесообразным создание межведомственных координационных механизмов по норвежскому образцу, внедрение стандартизованных инструментов оценки рисков по канадской модели, расширение программ профессионального обучения в местах лишения свободы с гарантией их продолжения после освобождения, а также проведение систематических исследований эффективности реализуемых программ. Без надежной доказательной базы любые реформы рисуют остаться благими намерениями, не подкрепленными реальными результатами.

Библиография

1. Evaluation of Seven Second Chance Act Adult Demonstration Programs: Impact Findings at 30 Months / Social Policy Research Associates. Washington, DC: National Institute of Justice, 2018. 156 p.
2. Fazel S., Wolf A. A Systematic Review of Criminal Recidivism Rates Worldwide: Current Difficulties and Recommendations for Best Practice // PLoS ONE. 2015. Vol. 10. № 6. P. e0130390. DOI: 10.1371/journal.pone.0130390.
3. Lipsey M.W. Rehabilitation Programs for Adult Offenders: A Meta-Analysis in Support of Guidelines for Effective Practice. Washington, DC: National Institute of Justice, 2019. 112 p.
4. Skardhamar T., Telle K. Post-release Employment and Recidivism in Norway // Journal of Quantitative Criminology. 2012. Vol. 28. № 4. P. 629–649. DOI: 10.1007/s10940-012-9166-x.
5. Subramanian R., Shames A. Sentencing and Prison Practices in Germany and the Netherlands: Implications for the United States. New York: Vera Institute of Justice, 2013. 42 p.
6. Yukhnenko D., Farouki L., Fazel S. Criminal recidivism rates globally: A 6-year systematic review update // Journal of Criminal Justice. 2023. Vol. 88. P. 102115. DOI: 10.1016/j.jcrimjus.2023.102115.

The effectiveness of post-penitentiary support for special recidivism: a comparative analysis of international models

German A. Mul'ko

Postgraduate Student,
Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin
350044, 13 Kalinina str., Krasnodar, Russian Federation;
e-mail: germanmulko@mail.ru

Abstract

This article provides a comparative analysis of post-penitentiary support models in countries with different approaches to the resocialization of prisoners. It examines statistical data on recidivism in the United States, Norway, Germany, France, the United Kingdom, and Canada for the period 2012–2024. The principles of the Norwegian prison system are considered. The German vocational training program MABIS is analyzed, demonstrating a reduction in recidivism from 80% to 33% among employed graduates. The effectiveness of the American Second Chance Act (2008), which allocated over \$600 million for resocialization programs, is examined. The results of a meta-analysis are presented, revealing the greatest effectiveness of cognitive behavioral therapy in reducing recidivism. Practical recommendations for improving the post-penitentiary support system for special recidivists are formulated.

Mul'ko G.A.

For citation

Mul'ko G.A. (2025) Effektivnost' postpenitsiarnogo soprovozhdeniya pri spetsial'nom retsidive: komparativnyy analiz mezhdunarodnykh modeley [The effectiveness of post-penitentiary support for special recidivism: a comparative analysis of international models]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 15 (11A), pp. 267-275. DOI: 10.34670/AR.2025.88.74.031

Keywords

Post-penitentiary support, special recidivism, resocialization of convicts, penitentiary system, probation, cognitive-behavioral therapy, work integration, international experience, criminology, penal policy.

References

1. Fazel S., Wolf A. (2015) A Systematic Review of Criminal Recidivism Rates Worldwide: Current Difficulties and Recommendations for Best Practice // PLoS ONE, 10 (6), e0130390. DOI: 10.1371/journal.pone.0130390.
2. Lipsey M.W. (2019) Rehabilitation Programs for Adult Offenders: A Meta-Analysis in Support of Guidelines for Effective Practice. Washington, DC: National Institute of Justice, 112 p.
3. Skardhamar T., Telle K. (2012) Post-release Employment and Recidivism in Norway // Journal of Quantitative Criminology, 28 (4), 629–649. DOI: 10.1007/s10940-012-9166-x.
4. Subramanian R., Shames A. (2013) Sentencing and Prison Practices in Germany and the Netherlands: Implications for the United States. New York: Vera Institute of Justice, 42 p.
5. Social Policy Research Associates (2018) Evaluation of Seven Second Chance Act Adult Demonstration Programs: Impact Findings at 30 Months. Washington, DC: National Institute of Justice, 156 p.
6. Yukhnenko D., Farouki L., Fazel S. (2023) Criminal recidivism rates globally: A 6-year systematic review update// Journal of Criminal Justice, 88, 102115. DOI: 10.1016/j.jcrimjus.2023.102115.